

Дмитрий Фесенко

Архитектура

как инструмент прогнозирования и конструирования социальных процессов

Архитектура по своей природе программно междисциплинарна, будучи профессионально связанной с более чем тридцатью сферами человеческой практики – от землеустройства и проектирования и организации инженерной инфраструктуры до производства цемента и строительства. Она находится на пересечении социально-политической, экономической и социокультурной подсистем общества, решая общегосударственные задачи с учетом имеющихся материально-технических ресурсов и неся в своей структуре и образности культурные ответы современной ей исторической эпохи. Архитектура – это сплав материального и идеального, технического и гуманитарного, интуитивного и рационального начал.

Именно отсюда, из этой ее поливалентности, синтетичности и «всеотзывчивости» происходят таящиеся в ней – пока, к сожалению, под спудом – едва ли не уникальные сверхвозможности и сверхспособности, вероятная «добавочная» социальная востребованность и ценность. Дело в том, что архитектура может выступать, с одной стороны, в качестве сейсмографа и своего рода средства раннего оповещения о надвигающихся социальных переменах, в частности, о приближающейся зоне бифуркации, а с другой – как триггер, катализатор геополитических, геоэкономических, геокультурных процессов. В этой связи можно говорить о соприродных ей прогностической и конструирующей функциях, и обе они сегодня используются не в полной мере (1).

Следует заметить, что такую возможность предвидения грядущих общественных потрясений по «косвенным» индикаторам, при видимой непоколебимости традиционных параметров, исследователи предусматривали. Так, А.Назаретян подчеркивает, что по психологическим симптомам возможно диагностировать приближение кризиса, когда экономические, политические и прочие признаки еще свидетельствуют о растущем социальном благополучии (2). Однако, насколько нам известно, пока дело ограничивается лишь констатацией подобной теоретической возможности, о конкретных разработках в этом направлении не слышно. Очевидно, сдерживающую роль играет «недисциплинируемость» социокультурных процессов, проблематичность их математизации – в отличие, скажем,

от экономики или демографии, весьма поддающихся процедурам формализации. Что касается конструирующей функции архитектуры, то отсутствие в нынешней России видения ее будущего, каких бы то ни было целей и ориентиров, не говоря уже о стратегии и перспективах развития, оказывающееся следствием конституированного обожествления настоящего, имеет своим результатом хаотическое суммирование партикулярных архитектурных волеизъявлений в режиме *ad hoc*, лишенное какого-то смысла, скрепляющей идеи, общезначимого вектора. Всеобщий «разброд и шатание» находит отражение в «собирательном образе» современной российской архитектуры, сталкивающей лбами принципиально не соединимое, попирающей социальность, потрафляющей потребительским инстинктам, присягающей монетаристской догматике, тщательнейшей возвыситься над историей. Подчеркнем, что речь идет о «больших статистических совокупностях» – основном массиве архитектуры, собственно и составляющем среду обитания российских городов; отдельные же произведения и персоналии могут выбиваться из местного мейнстрима.

Несколько слов о **прогнозировании и конструировании** – чем они, собственно, отличаются и что их связывает.

Люди, способные заглянуть за полог настоящего, были востребованы и в стародавние времена. Вспомним дошедшие до нашего времени книги древнегреческих сивилл, откровения библейских пророков, зародившуюся в лоне раннехристианских ересей хилиастическую традицию. Далее – прозрения Нострадамуса, Кейси, Мессинга, Ванги, сегодня возникают новые герои – тот же проживающий в Германии Артем Драгунов. Индустриальная эпоха вызвала к жизни жанр научно-фантастической литературы – без книг Ж.Верна, Г.Уэллса, А.Кларка, Р.Брэдбери, К.Саймака, А.Азимова образ будущего определенно был бы «неполным».

Что касается отечественной традиции, она весьма представительна: русская апокалиптика, бесчисленные святые-провидцы – от монаха Авеля до Серафима Саровского и Серафима Вырицкого, западнические и славянофильские историософские построения

с их неизменным профетическим надрывом, наконец, блестящая плеяда фантастов и просто писателей с острым чувством надвинувшегося будущего – достаточно назвать имена А.Богданова и А.Толстого, М.Булгакова и А.Платонова, Б.Ефремова и братьев Стругацких. Нельзя не заметить, что отличительной чертой русской тоски по будущему является хилиастическое мироощущение, проглядывающее, в том числе, сегодня в образах нашей повседневности (3). В XX в. эта практически непрерывная историческая линия, можно сказать, «апроприируется» научным сообществом: появляется особый род знания – прогнозирование, или футурология. В послевоенные десятилетия в ведущих странах, в том числе в СССР, возникают мощные институты, так называемые *think tanks* – типа американской РЭНД Корпорейшн, в задачи которых входит исследование и упреждение будущего. В настоящее время такого рода службы, насчитывающие сотни и тысячи специалистов, имеются в США, Евросоюзе, Японии, Китае, Корее и др. Дополнительным импульсом развития футурологической активности послужила деятельность Римского клуба с начала 1970-х гг. В нынешней России, к сожалению, подобного единого центра нет, есть разбросанные по НИИ и различным фондам коллективы исследователей, мнение которых власть считает за благо игнорировать. И это несмотря на то, что в кризисные эпохи именно футурологи – как в свое время пророки – выдвигаются на авансцену истории (хотя – парадокс – как раз в зонах бифуркации горизонт предвидения резко сужается). Впрочем, такая «неоинституциональность», недофинансирование и невнимание со стороны власти имущих, по мнению некоторых экспертов – назовем, в частности, С.Перелсегина, вовсе не препятствуют мировому лидерству отечественной футурологической школы.

Однако далеко не все специалисты разделяют подобный оптимизм. Причем вовсе не институциональная проблема – самая главная. С.Кара-Мурза выделяет, по меньшей мере, четыре препятствия, стоящие на пути развития российского прогнозирования и планирования. Первое – это утрата культурной основы прогностической деятельности. Второе – отключение памяти и порча инструментов

рефлексии – от архивов и статистики до стандартов отчетности. Третье – снижение уровня рационального мышления, вырождение категориального аппарата, неопределенность целей, средств, индикаторов и критериев. И, наконец, последнее – нарастающая атомизация вслед за социумом научного сообщества, утрата чувства солидарности, всеобщая анонимия, исчезновение коллективных субъектов предвидения и формирования образов будущего (4). И это тогда, когда во всем мире в качестве одного из ведущих трендов исследователи фиксируют возрастающую рефлексивность социума (5). Среди средств, имеющих целью выправление данной ситуации, ученый видит создание соответствующих дискуссионных площадок и мониторинг научных ресурсов, определение «границ возможного» и самих социальных объектов для проектирования форм будущего, проектирование «служб ремонта» поврежденных и строительство новых социальных систем и др. (6). От себя добавим, что еще одной вероятной предпосылкой выхода из исторического тупика, преодоления исторически сложившегося институционализованного антитеоретического консенсуса, предполагающего табу на предсказание будущего (особенно прочно он окопался в наших пенатах) (7), может явиться появление новых действенных прогностических методов и познавательных средств. О некоторых из них, апробированных на материале современной отечественной архитектуры и градостроительства, пойдет речь ниже. Теперь – о нашей «второй половине», а именно - конструировании, проектировании и управлении будущим. Вообще говоря, феномен нормативного, или целевого прогноза появился примерно тогда же, когда и поисковое прогнозирование - в первой половине XX в. и получил динамичное развитие в послевоенные десятилетия. Советский опыт народнохозяйственного планирования – что это было по своей сути, как не конструирование будущего? Пусть тогда это так не называлось, и сама эта практика вызывала огонь критики. В то же время она являлась объектом пристального внимания западных спецслужб – в том числе, на предмет изучения и заимствования отдельных технологий. И все же о конструировании будущего, управлении из будущего, трассировке эволюцион-

ной колеи на основе реперов родом из будущего, меседжах преддетерминации и т.п. заговорили уже в самое последнее время в связи с повсеместным распространением синергетического стиля мышления и авторитетным признанием теории самоорганизации / теории хаоса в качестве одного из краеугольных камней постнеклассической картины мира. Достоверным симптомом переноса акцента в направлении конструирования и проектирования будущего, своего рода переключения исторического сознания является быстрый рост ретроальтернативистских или контрфактических исследований в последние десятилетия, в том числе в отечественной науке.

В настоящее время прогнозирование и конструирование будущего предстают как две стороны одной медали, как «связанные одной цепью» направления единой деятельности по прогнозированию, стратегированию и управлению будущим. Значимость ее – в частности, для нашей страны – трудно переоценить. Приведем мнение Г.Малинецкого, который среди трех важнейших приоритетов фундаментальной науки XXI в. полагает, в том числе, теоретическую историю, имеющую своей целью выработку не просто стратегического – с горизонтом 15-20 лет, но исторического прогноза с дальностью в 30-50 лет, выявление исторических альтернатив, анализ точек бифуркации, в которых возникают возможности выбора исторической траектории, как это имеет место сегодня (8).

После несколько затянувшегося исторического экскурса в историю прогностики обратимся собственно к разрабатываемым нами, начиная с 1980-х гг., отдельным **методам** и техникам **прогнозирования** социальных процессов, основываясь на исторической динамике архитектуры и градостроительства. Точнее, речь пойдет о некоторых параметрах, связанных по большей части со сферой архитектурных представлений – не в пример более подвижной, если не сказать - лабиринной, нежели весьма инерционная практика проектирования и строительства. Они призваны дополнить и расширить имеющийся богатый инструментарий, накопленный за прошедшее столетие и включающий такие эпистемологи-

ческие подходы и методы, как экстраполяция, моделирование, метод экспертных оценок, или дельфийский и др.

По своему генезису и предметному содержанию представляемые методологические средства подразделяются на макроисторические и синергетические. Как мы покажем, они могут работать «в связке» - верифицировать, дополнять и уточнять друг друга.

Макроисторические методы апробированы в рамках выдвинутой нами 3-цикловой модели развития русской архитектуры, охватывающей период с 1620-х гг. по – предположительно - середину – вторую половину 2010-х гг. Последний хронологический рубеж – это точка схождения выявленной автоматической последовательности (математики называют ее точкой сингулярности), составленной из нововременного (с 1620-х по 1900-е гг.), модернистского (с 1880-х по начало 1990-х гг.) и постмодернистского циклов (с 1980-х по вторую половину 2010-х гг.). Среди особенностей всех трех циклов – суперпозиция «хвоста» уходящей и начальных фаз зарождающейся волны и отмеченность каждого из циклов двумя пиками, или экстремумами («двугорбость»).

Понятие гомологических рядов, пришедшее в социальные науки из органической химии и биологии, фиксирует родственность соответствующих стадий всех трех циклов. Отсюда, из этого ритмоциклического созвучия, рождается прогностическая перспектива. На основании изучения пары исторических прецедентов, их логики, тональности, интенций и паттернов предпринимается попытка очертить общие контуры наступающей – третьей - архитектурной эпохи.

Так, на основании анализа двух фаз - угасания и агональной - пары предыдущих циклов (1830-е–1900-е гг. и середина 1950-х–1980-е гг.), нами дается гипотетическая характеристика исторического отрезка с конца 2000-х по вторую половину 2010-х гг. (9). Общий вектор, проявивший себя в пределах первых двух исторических кейсов, имеет направленность от утилитаризма к разнообразию и далее – к ожиданию нового художественного синтеза. Осложняющими и, можно сказать, деформирующими историческими обстоятельствами, смазываю-

Стадия	Временные границы		
	Нововременной цикл	Модернистский цикл	Постмодернистский цикл
Зарождение	1620-е – 1670-е гг.	1880-е – 1890-е гг.	1980-е гг.
Подъем	1680-е – 1750-е гг.	1900-е – 1920-е гг.	Конец 1980-х – вторая половина 1990-х гг.
Первый экстремум	1760-е гг.	Начало 1930-х гг.	1998 г.
Инерционный период	1770-е – 1820-е гг.	Середина 1930-х – середина 1950-х гг.	Конец 1990-х – середина 2000-х гг.
Второй экстремум	Конец 1820-х – начало 1830-х гг.	Вторая половина 1950-х – начало 1960-х гг.	2008 г. – 2009 г.
Угасание	1830-е – 1870-е гг.	Середина 1960-х – 1970-е гг.	Конец 2000-х – первая половина 2010-х гг. (?)
Агональная фаза	1880-е – 1900-е гг.	1980-е – начало 1990-х гг.	Середина – вторая половина 2010-х гг. (?)

Таблица 1.

Стадиальное разветвление нововременного, модернистского и постмодернистского циклов.

Stadial development of the new time, modernist and post-modernist cycles.

Фаза угасания – постадийная развертка		
1-я стадия	2-я стадия	3-я стадия
1830-1950-е гг./ середина 1950-х – первая половина 1960-х гг./ конец 2000-х – начало 2010 гг.	1860-1880-е гг./ вторая половина 1960-х – 1970-е гг./ первая половина 2010-х гг. (?)	1890-1910-е гг./ конец 1970-х – 1980-е гг./ середина – вторая половина 2010-х гг. (?)
утилитаризм, взгляд на архитектуру глазами инженера/экономиста, распространение образцовых/типовых проектов	отход от монолизма/присягания оптимальности, тяга к разнообразию и сложности, диверсификация источников вдохновения/заимствования	стремление к новому художественному синтезу, напряженное ожидание новизны, активизация творческих поисков

Таблица 2.

Гомологические ряды: 1830-1910-е гг. / середина 1950-х – 1980-е гг. / конец 2000-х – вторая половина 2010-х гг.

Homological rows: 1830s-1910s / mid 1950-s - 1980s / late 2000s - second half of the 2010s.

щами картину, являются нарастающее уплотнение исторического времени, опережающее воздействие «флагмана» в лице западной архитектурной практики, наконец, влияние мирового финансово-экономического кризиса.

В другой работе, выполненной нами совместно с А.Нориной, данные положения получают подтверждение и конкретизацию. В фокусе внимания оказываются собственно переходные эпохи, или агональные фазы, всех трех циклов – 1880-е-1910-е гг., 1980-е-начало 1990-х гг. и середина – вторая половина 2010-х гг. - в их сопоставлении с предшествующими периодами (10). В качестве основных параметров, обеспечивающих целостность и непротиворечивость описания историко-архитектурной эпохи, приняты: подход к проектированию, принципы формообразования и векторы средообразования. Вводят понятия фактора отталкивания и фактора идентификации, что имеет целью встраивание исследуемого отрезка в историческую последовательность. Таким образом, на пересечении шести исторических этапов (исследуемых и

предшествующих) и трех структурных характеристик архитектурного процесса строится таблица, позволяющая зафиксировать общее между тремя исследуемыми гомологами. Очевидные резонансные созвучия демонстрируют первые два среза – институциональный (подход к проектированию) и архитектурный (принципы формообразования). Итоговое резюме, относящееся к приближающейся архитектурной эпохе, в силу непосредственной связанности последней с политико-экономическим и социокультурным окружением не может не содержать в себе черт, особенностей, тенденций, характеризующих, в том числе, вбирающий контекст. Другое дело – их распознать и правильно истолковать, перевести с языка одной дисциплины на язык другой.

Синергетические методы в данном случае сводятся к выявлению оппонирующих параметров порядка – по Г.Жакену, наиболее медленно меняющихся переменных, под которые подстраиваются все остальные – управляемые – параметры, а также анализу уровня

напряженности взаимоотношений между ними. Параметры порядка возникают в окрестности точки бифуркации и, таким образом, могут служить довольно точным диагностическим признаком роста неустойчивости, хаотизации архитектурного процесса, приближения исторического узла. Средством их идентификации оказываются методы контент-анализа средств профессиональной и массовой информации. Техническая работа не слишком сложная, но трудоемкая, требующая фронтального просмотра и анализа значительного корпуса литературных источников. Речь идет о подсчете числа соответствующих публикаций; определении объема внимания, то есть выявления в текстах - нередко не имеющих отношения к искомой тематике - релевантных фрагментов; слежении за динамикой ценностных предпочтений, что проявляется в изменении эмоциональной окрашенности суждений, относящихся к тому или другому параметру порядка. Проблема в том, что параметры порядка – каждый раз разные. И каждый раз эта новая социокультурная конфигурация – поистине

Переходные периоды	1880-е – 1910-е гг.	1980-е – начало 1990-х гг.	Середина – вторая половина 2010-х гг.(?)
Фактор отталкивания	Историзм	Технологизм	Новый утилитаризм
Подход к проектированию	Обособление «полезного» и «изящного», утилитарных и художественных аспектов, инженерных и архитектурно-выразительных задач	Типологическая организация проектирования. Стандартизация, типизация, индустриализация. Представление о потребителе как абстрактной единице.	Сугубый экономизм решения задач нацпроекта «Доступное и комфортное жилье», распространение проектов повторного применения, примат критериев энергоэффективности.
Принципы формообразования	Стилизаторство. Изображение формы. Повествовательность. Механическое единство. Принцип суммирования равноценных ячеек.	Конвейерная воспроизводимость однотипных элементов и форм. Акцентирование общественных зданий на фоне массовой застройки.	Минимизация выразительных средств. Повторяемость решений. Прагматическая усредненность архитектуры.
Векторы средообразования	Докапиталистическая патриархальность быта и соответствующих ему пространственных форм.	Экстенсивная стратегия городского развития. Демиургизм. Свободная планировка. Модель микрорайона с иерархией радиусов обслуживания. Монотонность и однообразие городской среды.	Фрагментарность видения города. Угнетение ландшафтов. Деградация историко-культурного наследия.
Фактор идентификации	Модерн / Зарождение авангарда	Постмодернизм / «Бумажная архитектура»	?
Подход к проектированию	Синтез архитектуры и искусства. Существование иррационального и рационального проектных подходов. Жизнестроительный пафос.	Понимание архитектуры как искусства. Индивидуализация проектирования. Включающий подход. Обращенность к потребителю.	К междисциплинарному проектированию.
Принципы формообразования	Стилизация/Разрыв с прошлым. Синтетичность художественного видения. Визуализм. Дialeктическая взаимосвязь функции, конструкции и формы. Целостность художественного образа.	Плюрализм исторических приемов и форм. Тяга к разнообразию и сложности. Интертекстуализм и экстравертированность. Эклектизм. Нарративность.	К синергии источников формообразования.
Векторы средообразования	Уплотнение застройки и функциональное насыщение исторических центров. Средовой полифонизм. Появление феномена города-сада.	Распространение идеологии ретроразвития. Средовой подход. Контекстуализм.	К синергии урбанистических подходов.

Таблица 3.

Гомологические ряды: переходные периоды в истории отечественной архитектуры.

Homological series: transit periods in the history of the national architecture.

неожиданность, сюрприз для исследователя. В прилагаемой Таблице приведен исторический ряд архитектурных сломов за последние шестьдесят лет.

В конце 1940-х-первой половине 1950-х гг. одним из параметров порядка была установка на отражение Победы средствами монументализации зодчества, его контрагентом выступала поначалу робкая тенденция, связанная с типизацией и стандартизацией строительства. Следующая пара проявила себя, начиная со второй половины 1970-х гг.: тяга к множественности и разнообразию архитектуры встретила жесткий прием со стороны бюрократии, что нашло отражение в эскалации взаимоотношений этих двух параметров порядка. В середине 1990-х гг. обнаружил себя вектор архитектурно-градостроительного ретроразвития, проявленный под именем «московского (лужковского) стиля», которому противостояла неомодернистская линия. Начало 2000-х гг. – время зарождения очередного параметра порядка, связанного с делоперскими программами строительства коммерческого жилья, а затем, во второй по-

ловине 2000-х – с проектами оставшихся не реализованными элитных градобразований, альтернативой которым выступала правительственная установка на возведение доступного и комфортного жилья.

Если первая пара исторических кейсов нами исследована еще в конце 1980-х гг. (11) (хотя справедливости ради следует сказать, что тогда мы их не ассоциировали с анализом параметров порядка), то вторая изучается в настоящий момент совместно со студентами МАрХИ. Так что, в отличие от первых двух, в этих случаях следует говорить скорее о ждущей подтверждения научной гипотезе. Причем не оставляет мысль, что это в советскую эпоху параметров порядка было строго два, а сегодня в принципе не исключена их мультипликация. Впрочем, на этом перечень не заканчивается. Данная эволюционная цепочка подводит нас к следующему гипотетическому рубежу: середине – второй половине 2010-х гг. Одним из параметров порядка на этот раз, вероятно, станет «зеленая», или энергосберегающая архитектура. Второй (или другие?) пока не просматривается. С его появлением

и последующим ростом напряженности между этими полюсами можно будет говорить о верификации нашего макроисторического прогноза – приближении точки бифуркации середины - второй половины 2010-х гг. Вероятно, она совпадает со следующей ударной волной мирового финансово-экономического кризиса – по крайней мере, исследования целого ряда специалистов свидетельствуют именно об этом (12). Укажем на вываленную нами закономерность: чем мощнее исторический узел, чем более значим он на карте истории, тем больший срок жизни отводится параметрам порядка. Так что если вышеуказанные прогнозы окажутся верными, и речь идет о сдвиге, историческом водоразделе, по Ф.Броделю, передаче карт истории, сопоставимой (если не точнее) с 1917 и 1991 гг., параметры порядка не заставят себя долго ждать, обнаружатся в самое ближайшее время. И разность потенциалов, то есть накал противостояния между парой будущих исторических контрагентов будет соответствующий. В пользу этого свидетельствует тот факт, что последний тектони-

ческий слом конца 1980-х-начала 1990-х гг. предварялся параметрами порядка, срок жизни которых превышал десятилетие, тогда как критическим точкам середины 1950-х гг., 1998 и 2008-2009 гг. предшествовали параметры порядка, «уложившиеся» в вдвое, а то и втрое меньший срок – от трех до пяти-шести лет. Скорейшая идентификация параметров порядка, «заточенных» под середину – вторую половину 2010-х гг., позволит совместить и сопоставить их с нашим макроисторическим сценарием. Хотя уже сейчас вырисовывается некоторая определенность: энергоэффективная архитектура вполне вписывается в заявленную парадигму «нового утилитаризма». Наконец, нельзя не остановиться на том, что происходит с параметрами порядка после прохождения системой точки бифуркации. Согласно предлагаемой модели, проигравшие вытесняются с подмостков истории, победившие – становятся своего рода «расходным материалом», субстратом для сборки нарождающегося аттрактора. В индустриалистскую эпоху такое диалектическое превращение выглядит более очевидным – в силу соотносительности аттракторов исключительно со стилизованными ориентациями. В постиндустриалистскую эру эта жесткая зависимость размывается, аттракторы множатся, отражая прогрессирующую сегментацию профессии на различные «субкультуры», где стилистическая привязка становится одной из многих. Этот переход от аттрактора «индустриалистского типа» к «постиндустриалистскому» наблюдается у нас в 1970-е гг., когда возникают и набирают силу регионалистская, средовая, экологическая и прочие версии архитектуры. Актуальный сюжет – направленность трансформации предкризисного победившего параметра порядка (в данном случае – оппонирующего) в лице программы доступного и комфортного жилья. Возможно, ее «инобытием» как раз и оказывается та самая инженерно-экономистско-утилитаристская установка. Подытоживая наш обзор прогностических методов, подчеркнем: чем больше незави-

симо «добытых» образов будущего – тем ближе мы к истине. По крайней мере, хочется в это верить.

Конструирующая функция архитектуры и градостроительства связана, прежде всего, с проектным воздействием, переопределением, переустройством предлежащей реальности – от систем расселения до отдельных поселений. Но не только – неосуществленные визионерские проекты и концепции нередко несли в себе ничуть не меньший революционно-преобразовательный пафос. Вспомним наследие русского архитектурного авангарда, на всем протяжении XX в. оказывавшего мощное влияние на мировую практику проектирования и строительства – это и новые принципы расселения, и типы жилья, и, конечно же, потенциал архитектурного формообразования. Или, к примеру, НЭРовские идеи линейных городов 1960-х гг., «золотого века» проектной футурологии, то и дело проглядывающие в сегодняшних проектах – возьмем тот же «Сибстрим» или «МоскоПит» (13).

Преобразующее воздействие архитектуры по определению оказывается наиболее зримым в переломных точках исторического развития, когда система утрачивает равновесие, и даже легкое воздействие – мах крыльев бабочки, по известной синергетической метафоре – способно перевести ее в принципиально иное состояние. Другое неперемное условие – необходимо сообразоваться с имеющимся коридором возможностей. Дело в том, что количество степеней свободы любой системы, иначе говоря – потенциальных траекторий ее дальнейшей эволюции, всегда ограничено. Да, но как этот коридор возможностей определить, объективировать, как очертить вероятную конфигурацию – дабы не попасть в «молоко»? А ведь есть еще не менее значимые вопросы – когда именно и какими средствами?

Близкая по смыслу задача – нащупать точки акупунктурного воздействия на урбанистическую систему, малыми резонансными ка-

заниями-интервенциями – скажем, низкобюджетными ландшафтными – запустить большие реконструктивные процессы, если перевести разговор на градостроительство. Как вычислить точное место, время, количество и объем интервенций, их последовательность? Вот в Барселоне и Куритибе все это сошлось, получилось. Вслед за ними устремился Лиссабон.

Крупные инновационные проекты могут выступать и выступают аттракторами, способными перенаправить векторы архитектурного развития. А вместе с ним – и социокультурную динамику, течение социальных процессов.

Скажем, в настоящий момент в преддверии саммита АТЭС 2012 г. осваивается остров Русский – строится комплекс университета со всей сопутствующей инфраструктурой, перебрасывается мост на континент. А есть, к примеру, давнишнее предложение о строительстве наукограда и биоэкополиса Хасан-2 совсем недалеко, в самой южной точке Приморского края (14), целеполагание которого связано с геополитическими, геэкономическими, социально-демографическими приоритетами, а не с сугубо внешней политиконъюнктурой.

Мощные инфраструктурные программы вытаскивали Соединенные Штаты, Германия, да в известной мере – и СССР, из штопора Великой депрессии 1930-х гг. И сейчас ведущие страны – от Америки и Германии до Китая и Великобритании – пользуясь подешевевшими материалами и рабочей силой, делают ставку, в том числе, на них, направляя на строительство инфраструктурных объектов – железнодорожной сети, линий метрополитена, автомагистралей, туннелей и т.п. – значительные финансовые средства (15). Разнесенные в пространстве страны остров Русский, Олимпийский Сочи и города-хозяева мирового футбольного чемпионата 2018 г. – при внешней кажимости никак не из их числа. А ведь есть у нас в столе геостратегические проекты типа инфраструктур-

Время жизни	Конец 1940-х гг. – середина 1950-х гг.	Середина 1970-х гг. – середина 1980-х гг.	Середина 1990-х гг. – 1998 г.	Начало 2000-х гг. – 2008-2009 гг.	Первая половина 2010-х гг. – вторая половина 2010-х гг.?
Параметр порядка	Установка на монументализацию архитектуры	Плюрализм и разнообразие архитектуры	Ретроразвитие / «Московский стиль»	Девелоперское коммерческое жилье / Проекты «городов для миллионеров»	«Зеленая» архитектура?
Оппонирующий параметр порядка	Типизация и стандартизация застройки	«Держать и не пущать!»	Неомодернизм	Программа «Доступное и комфортное жилье»	?

Таблица 4.

Параметры порядка в отечественной архитектуре середины XX – начала XXI вв.

Order parameters in the national architecture of the mid-20th-early 21st centuries.

ного обустройства Северного морского пути, вышеупомянутых «Сибстрима», вариант – ВТС Е.Гринева, или «МоскоПита» – понятно, с разной степенью проработанности. Любый из них способен переформатировать как архитектурную, так и социальную действительность, повысить геополитический статус территории, переориентировать неблагоприятный демографический вектор, если не решить, то смягчить экономические проблемы – имеются в виду, прежде всего, реиндустриализация и обеспечение занятости населения.

Подобный возврат к целенаправленно дискредитированным идеологами постмодернизма «большим нарративам» в лице больших прорывающими историческую ткань бездумно-застойного функционирования, ведущего страну в никуда. Вопрос в том, можно ли назвать такой «взвудывающий» режим ре-эволюцией, которая, как полагает А.Рубцов, в конце XX – начале XXI вв. отмечает переход от проектно-преобразовательного наклона к ценностям и формам исторического движения скорее спонтанно-эволюционного типа (16).

Из нашей архитектурной истории известно, что вовремя вброшенный аттрактор может определить абрис архитектурной и социальной реальности на долгие десятилетия. Пример – на этот раз из технологической области: привитая в конце 1950-х гг. на отечественной почве французская домостроительная система Камю, поначалу содействовавшая решению застарелой жилищной проблемы, а потом, законсервировавшись и обронзовев, превратившаяся в лице неповоротливой системы крупнопанельного домостроения в тормоз как архитектурного, так и социального развития.

В заключение подчеркнем: «чистое» прогно-

зирование и конструирование будущего – это не две дисциплинарные области, разведенные по разным углам. По сути, речь идет об одном котле, в котором варятся идеи и концепты, теоретические модели и прогнозные сценарии, резонансные касания-воздействия и принимаемые социально-управленческие решения.

Как мы могли видеть, конкурирующие образы будущего, рожденные макроисторическим и синергетическим подходами, вовсе не являются конкурентами. Скорей они находятся в режиме перекрестной проверки и опыления. Равно как и прогнозирование, с одной стороны, и конструирование и проектирование будущего – с другой, не могут не поддерживать и не обуславливать друг друга.

Точно так же архитектурное прогнозирование могло бы взаимодействовать и вступать во взаимоотношающую полемику с другими прогнозистическими сценариями из смежных дисциплин. Точки, а вернее, целые области, поля соприкосновения – наличествуют. Такое сотрудничество могло бы иметь в качестве своего результата: в одних случаях – усиление, в других – смягчение того или иного эволюционного сценария, в третьих – смену вектора развития.

Однако для подобного взаимного «омывания» и междисциплинарного обмена и взаимодействия необходимы иные институциональные основания профессиональной деятельности по прогнозированию, проектированию и управлению будущим. А значит – после двадцатилетнего перерыва должен быть сформирован соответствующий социальный заказ. И, разумеется, появиться фигура самого заказчика, который как минимум был бы в курсе роли и статуса think tanks в современном мире.

1. Об изначально присущей архитектуре и градостроительству проектности см.: Фесенко Д. Архитектура и градостроительство как инструмент конструирования будущего // Архитектурный Вестник, 2010, №5, с.6-9.

2. Назаретян А. Универсальная история и синдром Предкризисного человека. – История и синергетика. Методология исследования. – М., Либроком, 2010, с. 153.

3. Подробнее см., например: Хренов Н. Социальная психология искусства: переходная эпоха. – М., Альфа-М, 2005, с.240-241.

4. О проявлении образов грядущего Тысячелетнего царства в современной практике архитектуры и градостроительства см.: Фесенко Д., указ. соч., с.7-8.

5. Кара-Мурза С. Управление развитием: предвидение и проектирование будущего // Научный эксперт, 2010, с.5-19 – http://www.rusrand.ru/text/Jorna12_2010.pdf

6. См., например: Кравченко С. Динамика современных социальных реалий: инновационные подходы // Социс, 2010, №10, с.21-23.

7. Кара-Мурза С., указ. соч., с.19.

8. Подробнее см.: Розов Н. Историческая макросоциология: методология и методы. – Новосибирск, 2009, с.61-71, 128-129.

9. Малинецкий Г. Теоретическая история и математика. – История и математика: Макроисторическая динамика общества и государства. – М., КомКнига, 2007, с.7-8.

10. Фесенко Д. Архитектура и градостроительство 1950-1980-х гг. с экстрапрофессиональных позиций // АВ, 2010, №3, с.86-90.

11. Норина А., Фесенко Д. О переходных периодах в истории российской архитектуры. Из опыта изучения гомологических рядов // АВ, 2011, №1.

12. См.: Фесенко Д. «Архитектура СССР» в контексте архитектурного процесса // Архитектура СССР, 1991, №3.

13. См. работы Г.Малинецкого, В.Шишова, В.Пантина, В.Лапкина, А.Кобякова, С.Демуры, М.Муравьева, М.Калашникова и др., в соответствии с которыми грядущий макросдвиг приходится, по разным оценкам, на отрезок с 2013 по 2017 гг. Любопытно совпадение научного знания с прозрениями и интуициями в художественной литературе – приведем в качестве примера роман О.Славниковой «2017», в котором предчувствие кардинальных перемен выражено более чем определенно и хронологически недвусмысленно.

14. См.: Фесенко Д. Строительная отрасль в мире и в России: последствия первой волны кризиса и перспективы // АВ, 2010, №6, с.6-9.

15. Хасан-2, биоэкополис в Хасанском районе Приморского края – проект развития – <http://krupnov.livejournal.com/159081.html>

16. См.: Фесенко Д. Строительная отрасль..., с.7-8.

17. Рубцов А. Эволюция, революция, ре-эволюция? // Ориентир, в.5 – http://www.intelros.ru/readroom/orientiry-metafizicheskie-issledovaniya-cheloveka/orientiry_5/